

Там, где меня найдут

Антон Боровицкий

Содержание

Зуммер выдернул меня из сна ровно в 5:15 на второй день увольнительной. Замычав, я с трудом разодрал глаза и уставился в тёмный потолок.

— Дэн, кто там? — раздался из соседней комнаты заспанный голос сестры.

— Спице, — буркнул я и потянулся.

На подоконнике продолжал мерзко бесноваться мобильный. Я с ненавистью прихлопнул пиликающего гада — так, что едва не свалился с дивана. Предчувствия не подвели: на экране мигал красным сигнал общего сбора.

Я зевнул, почесался и сунул ноги в тапочки. Сквозь подошвы тянуло холодом. И это в летнюю жару.

Чёрт бы побрал тех, кто проектировал это недоразумение под названием «многоквартирный дом». Малышня из кубиков и то лучше строит!

Я прошлёпал в ванную и включил свет. Из зеркала глянула угрюмая рожа с мешками под глазами и впалыми, небритыми щеками. А что, имею право. Не бриться в увольнительной — священный долг младшего офицера. Иначе что скажут люди.

Я включил старенькую вибробритву. Надо привести себя в порядок, и в темпе. За опоздание влетит.

Не сказать, чтоб я сильно расстроился. Увольнительные я не любил: в «кандидатской» квартирёнке не развернёшься, на полу от холода околеешь. Приходится отжимать диван у сестры, а ей — ночевать в комнате у мамы. Спит мама плохо — и Лике не даёт, а на носу дорожные экзамены. Я бы не приезжал, но с базы вытолкали взащей. Армии не хочется компенсировать «неотгулянное» по двойной ставке.

Я с усилием вдохнул. Душно и влажно, как в оранжерее — вентиляция барахлит уже который день. А не накатать ли мне рапорт на олухов из управляющей? Ещё и за то, что пытались поднять квартплату семье боевого офицера.

За спиной тенью прошмыгнула Лика. Проснулась таки. Я недовольно прищелкнул и перевёл взгляд на окно.

Индикатор на раме мигал зелёным. Решившись, я потянул на себя ручку. В ванную дыхнуло свежим, чуть запылённым воздухом.

«Ж-жум, ж-жум, ж-жум», — ударило по ушам. Ничего не попишешь: рядом периметр с Пустошью. В «гражданских» кварталах потише. Ну, а кандидаты перебьются.

Вспомнился переезд в эту дыру. Синюшная мама с ревушим свёртком на руках. Первый день в новой школе, разбитый нос и обидное прозвище «Профессор», приклеившееся до 10-го класса.

Школу я ненавижу, факт. Но именно там, после первой драки, скулящий «Профессор» понял: помощи не будет.

Я водил по лицу бритвой, краем глаза следя за тикающим энергосчётчиком. В «углеродный» бюджет пока вписываемся. У кандидатов он крошечный, но лейтенанту положены льготы — одна из причин, по которым я пару лет назад вдруг воспылал патриотизмом.

Когда я вышел, на столе уже ждала тарелка с яичницей. Рядом, кутаясь в шаль, сидела Лика.

— Забери. — Я поморщился и кивнул на тарелку. — На базе поем.

— Хотя чуть-чуть, — возмутилась Лика. — Неизвестно, когда ещё.

— Ешь! — рыкнул я и нахмурился. — Тебе учиться надо и соображать. Провалишь экзамены — убью! Ты — мой билет на Побережье.

Хихикнув, Лика отправила в рот аккуратно отрезанный кусочек. Я достал кошелёк.

— Ты когда вернёшься? — тревожно спросила Лика.

— Тут должно хватить до моего возвращения. — Я шлёпнул на стол купюры. — И не вздумай экономить, как в прошлый раз.

Ещё один из плюсов моего положения. Так-то наличные запрещены, но военным разрешается: за Периметром криптовалюту Демблока не принимают. Как и все, я пользовался этой лазейкой, изредка привозя из-за «Черты» что надо кому надо. Риск, конечно, был, но небольшой: налететь и жадничать я не люблю. И даже в «трофейные» лапу запускаю по минимуму.

В спальне снова заворочалась мама. Мы притихли.

— Как она? — шёпотом спросил я.

— Вроде нормально, — ответила Лика. — Диализ помогает, но врач просила передать, что со следующего месяца цену повышают.

— Семье военного не имеют права, — отрезал я. — Проверь со страховой, если что — отправлю жалобу в канцелярию командования.

Лика поёжилась, но спорить не решилась.

Нас прервал резкий, тревожный писк. Вскочив, Лика метнулась в ванную и хлопнула створкой.

— Радиодождь, — озабоченно сообщила она. — Три миллизиверта. На улицу не выходи.

— От радика не помру. — Я застегнул форменную куртку. — Маму поцелуй. И учись.

***

Перед глазами серой вереницей тянулись переходы. Народу было много — час пик. К тому же, не так давно снова увеличили рабочий день. Военное, маму его, положение.

Я столкнулся с угрюмым мужиком и чуть не вляпался в натёкшую с потолка лужу. «Троечка» зивертов не страшно, но подошвы будут фонить до самой базы, а норму излучения я и так досрочно успел набрать.

Платформа была забита людьми, пришлось поработать локтями. По привычке я оглядел стоящих рядом — вроде спокойно. Ни террористов, ни психов, что толкают на рельсы.

Из туннеля подул тёплым: к платформе подходил поезд. Я протиснулся в вагон и прислонился лбом к расцарапанному стеклу. Отчаянно хотелось жрать, а ещё спать. К счастью, в кармане завалилась пачка водорослей с идиотской анимешной девушкой верхом на иероглифе. Вскрыв упаковку, я жадно захрустел зелёным брикетом.

Перед окном понеслась туннельная реклама. Красивая девица растянулась на белом песке, обмахиваясь купюрами, словно веером. «Государственная лотерея — твой билет на Побережье».

Есть такая же, но с мужиком, который от денег прикуривает. Пошлятина и брехня: на Побережье за деньги не попадёшь. Нужно стать «признанным», а мне бы хоть в граждане вернуться.

Я хмыкнул, разглядывая вертящиеся на фоне девицы ветряки. И тут наврали.

Нет на Побережье гудящих «вентиляторов», слишком шумно и губит пчёлки. Там такие технологии, что я и не видывал. А радиодожди гонят вглубь материка, на головы бывших калифорнийцев. Сослуживцы много чего рассказывали — те, что там Периметр охраняют.

В кармане забился в припадке мобильный. Срочное сообщение. Надо прочесть.

Я приладил к виску наушник и вдавил кнопку. Перед глазами поплыл текст: сигнал транслировался сразу на зрительный нерв.

Концерн «Магнус», месторождение лития... Диверсионная группа повстанцев... Поддержка сил безопасности... Срочная переброска.

Вот тебе, бабушка, и доброе утро!

Африку я не люблю. Точнее, ненавижу! Жара, насекомые, диарея Мотке, она же «Штамм D-3»... Я, ей-богу, предпочту гонять дикарей на Выжженных. Да что говорить: Канада — и то милее!

Есть и ещё причина. Маленькая такая, личная. Из-за Африки и тамошних повстанцев я в своё время лишился работы. Эти черти умудрились спалить пару заводов, обрушив в штопор Европейскую биржу. Новую работу я не нашёл — на каждую вакансию стояла очередь из «молодых и перспективных». Зато в армии вечный недобор и неплохие «плюшки», а у меня, к тому же, корочка школьной военной кафедры. Учитель, майор Лобман, был та ещё сволочь. Но за бесплатные талоны в столовку я готов был терпеть.

В животе забурчало, настроение испортилось окончательно. А тут ещё ко мне притиснулась смуглая девчонка из беженцев. Сухонькая, костлявая даже. Волосы убраны под пёстрый платок.

Мелкая совсем, лет 13. Но знаем мы этих детей! А уж чем такие девицы занимаются в «весёлых кварталах»...

Я скрестил на груди руки и ненароком встретился с ней взглядом. Девчонка смотрела исподлобья, но без злобы.

— Что смотришь? Денег не дам, — буркнул я.

Девчонка продолжала спокойно меня разглядывать. Похоже, она не поняла. Или ей всё равно.

На её плече висела спортивная сумка, на ногах — стоптанные кеды. И запах — хлорки, пота и пыли.

Работящая. Семья наверняка осела за Периметром, а девица урвала патент, чтобы не скопытиться с голодухи. Хотя урвала — это громко сказано, с таким же успехом я «урвал» себе армейский контракт. Выгрести за копейки дерьмо желающих мало. Тут мы с мадам даже чем-то похожи.

Откуда она? Испанский анклав? Остатки недобитой Португалии? Хотя какая Португалия, там до сих пор песок фонит.

Может быть, Ханство? Те ещё клоуны, но власть на Среднем Юге держат крепко. И беженцев не выпускают уже лет двадцать: рабы нужнее самим.

Девочка вдруг улыбнулась и что-то гортанно произнесла.

— Чё пристала? — Грузный бритоголовый мужик недобро оглядел мою попутчицу. — А ну, пшла!

— Отзынь, — брезгливо протянул я.

Бритых из «Третьего фронта» я не любил, а от этого ещё несло дешёвым вейпом. «Малина и гниль», или «здравствуй, рак лёгких».

— Чего-о?

Мужик собрался выяснять отношения, но тут его взгляд упал на кобуру с табельным «бергманом». Бритоголовый поник, что-то промычал и растворился в толпе.

— Свасива, — с диким акцентом сказала девочка. Я притворился, что не услышал, и отвернулся к окну.

Жрать хотелось всё сильнее. К счастью, скоро моя остановка.

***

Вместо базы я прибыл сразу на аэродром, где в блестящем от дождя терминале уже собрались мои любимые «сорняки» — отдельный дисциплинарный взвод №137. Меня поджидали командиры групп: Мулла, Чертёнок и Борщ. А ещё — мой незаменимый кошмар и заместитель, сержант-инструктор Мари-Лоранс, разбившая столько сердец и носов, что я давно перестал считать.

О, как я бесился, когда меня поставили на «чумных»! Как вдохновенно строчил рапорты, умоляя перевести меня — целого лейтенанта запаса — к нормальным людям. Или в штаб, где можно целыми днями протирать штаны за вдвое большее жалованье.

Смешно вспоминать. Сейчас бы я взвыл, вздумай командование вернуть меня к «нормальным». Трусы. Халявщики. А штабные — вообще крысы, каких поискать.

— Все в сборе, — сухо бросила Мари. Впрочем, сухо — это она в настроении. Если зовёт «мой лейтенант» — стоит насторожиться. А коли шрам на щеке налился кровью — пора срочно деэскалировать.

— Командиру, чаго без шапки? Вухи же отморозишь, дурнику! — расплылся в ухмылке Борщ.

Тима Кривченко, комгруппы штурмовиков. Седой, матерый, хитрющий. Разжалован в сержанты за то, что дал в морду полковнику — тот, говорят, некстати помянул Тимину мать. Зная Борща, это было ошибкой.

— Господин лейтенант, — козырнул Чертёнок.

Артурчик Галиецкий. Мари зовёт его «студентик» или «мамина радость». На худой шее — здоровенный кадык, а сам смахивает на недокормленного птенца.

Трудно поверить, что этот сопляк побывал в плену и сумел сбежать. А дронами управляет так, что даже Мари не ворчит.

Мулла лишь кивнул и козырнул. Наш Саид говорит строго по делу, а в остальное время молчит и смотрит — будто насквозь. Станный, не от мира сего. Везде таскает коврик для намаза, зато из хлама соберёт дрон, который в войсках ещё лет пять не увидят.

— Борт уже подогнали, — сообщила Мари. — Голиаф. Пока грузят технику.

На взлётке громоздилась туша транспортника. По аппарели медленно втягивали платформу, доверху заставленную прихваченными сеткой ящиками. Рядом жалась парочка бронемашин.

Вокруг шныряли автопогрузчики, в предрассветной тьме мигали оранжевые огни. Чуть поодаль хлестали пеной по бетону машины дезактивации. Видно, радик тут прошёл неслабый.

— Господин лейтенант, нам бы задание, — улыбнулся Чертёнок, гоняя во рту зубочистку. — Куда, зачем...

Я вкратце пересказал детали. Восторгов отчего-то не последовало.

— Не ходите, дети, в Африку гулять, — раздосадованно протянул Борщ. — Эх, говорила мне мама...

Чертёнок сплюнул, Мулла достал чётки и принялся напряжённо их перебирать.

— Бригады или «общинники»? — деловито осведомилась Мари-Ло.

— Думаю, «бригады», — как можно увереннее ответил я. — Конфедерацию в тех краях не замечали.

— Та замечали, не замечали — чёрт их разберё! — проворчал Тима. — Бачив я... Сегодня «общинник», завтра «бригадир»!

— Разговорчики! — отрезал я. — Поднимаем группы. Всем готовиться к погрузке!

***

Как обычно, я сел у иллюминатора. По стеклу ползли дождевые струи — густые, буро-жёлтые. Пыльный дождь с юга — привет озверевшей от жары и войн Сахары.

Вокруг загудело — тяжело и внатяг. Над турбинами раскрылись лопасти винтов. Одна подёргалась прежде, чем встать на место.

Голиаф — машинка не новая, ржавеющий корпус не даст соврать. Но на обычной солдатне не грех и сэкономить. Мы ведь не спецназ.

Лопасты завертелись, рубя капли в туман. Толчок — и взлётка ушла вниз.

В стекло яростно тарабанили капли. Сверху надвигались облака — рваные, тяжёлые, с просветами. Снова толчок — вступили турбины; винты втянулись обратно в пазы.

— Низко стартовал, — едко откомментировал Борщ. — Дюже неэкологично.

Борщ прав: за секунду Голиаф сжигает десяток углеродных бюджетов. Но что поделать — военная необходимость. По крайней мере, так положено отвечать.

После набора высоты я прошёлся по салону, чтобы размяться и навести порядок. Осмотрел солдат, прищипнул на балагурящего Тиму и сделал замечание Чертёнку, чтобы не расслаблялся. Мулла снова молился, накрыв ладонями уши. Перед ним, на откидном столике, лежал разобранный мобильник. Классический Саид.

Закончив придираяться, я вернулся на место и пристегнулся: под нами уже тянулась Испанская пустошь. Формально — безлюдная и безопасная, но это как пойдёт.

Напротив сидела уткнувшаяся в книгу Мари-Ло. Хороша, чертовка, даже шрам не портит, но подкатывать себе дороже. Во-первых, инструкции. А во-вторых, проще подкатить к штурмовому роботу «Заслон».

Моё назначение она приняла в штыки. Неудивительно: с её опытом — и ходить под началом салаги. Но с такими «скелетами в шкафу» ей не светит. Неплохие такие скелетики — под грифом «Строго секретно».

Всё изменилось во время операции на Выжженных, где мы попали в засаду Ханства. Решив, что Мари в опасности, я рванул вперёд, схлопотал пару пуль и рухнул мордой в грязь. Помню, как Мари вытаскивала меня к своим, умудряясь ещё и отстреливаться. Как обматерила меня прямо в палате.

А ещё показалось, что смотрела она тогда по-другому. Будто увидела. Хотя бред, конечно. Влажные фантазии.

С тех пор для «чумных» я стал своим. Да и они оказались ребятами, что надо. Приходится, конечно, иногда вправлять мозги, но — «милые бранятся...».

Я поёрзал, устраиваясь в жёстком кресле. 10 часов полёта, отсидишь всё на свете. Делать было решительно нечего. Впрочем, вру.

Я прикрепил к виску наушник и выставил мощность сигнала на максимум. Мир померк, перед глазами высветилось меню. А вот и нужный файл: тайком скопированная запись с нашлемной камеры.

— ...Командиру, ну шо с ними будешь делать?

Голос Тимы перебили очереди. «Общинники» засели в руинах пятиэтажки, не давая окружить квартал. Полдень, ранняя осень, год назад. Захолустный анклав где-то в северной Польше.

Я скрипел зубами: время уходило. Ещё немного — и отряды общинников «утекут» через границу. Я материл Тиму, Чертёнка, Мари-Ло и тишайшего Муллу, приказывая утюжить конфедератов всем, что было под рукой. Орал в микрофон, требуя танк или тяжёлый дрон, чтобы срыть пятиэтажку одним попаданием.

Дроны стаями врубались в стены, пытаясь обрушить распатанный каркас. Пулемёты работали без остановки, но чёртовых общинников будто заговорили. Мои бойцы откатывались назад под шквалом пуль и гранат. Несколько ранило, парочку — насмерть.

Я промотал вперёд.

Дрон Чертёнка, прокравшись сбоку, полоснул по окнам длинной очередью. Сопротивление захлебнулось. Наконец стало тихо.

Снова промотка.

Штурмовая группа движется по старой, местами пробитой лестнице, я — следом. Мы наготове, ждём, что кто-то выскочит из тьмы.

Картинка ускоряется — потом стоп-кадр.

Я всматриваюсь в лицо молодого парня, уткнувшегося лицом в замусоренный пол. Он один. Если не считать связки гранат и старенького пулемёта.

— Не трогайте! — кричит на записи Борщ. Он заметил, что левая рука покойного заведена куда-то под туловище.

Выпростав побелевшую кисть, Борщ демонстрирует гранату. Ребристый цилиндрик всё ещё зажат в пальцах. Даже напоследок парень хотел прихватить с собой врагов.

Сопляк.

За что ты так дрался, сопляк?

И зачем я смотрю это перед каждым заданием?

Меня отвлёт сигнал личного сообщения: Лика переслала ответ из страховой. Подорожавший диализ не покрывается, Минобороны подало в суд. Бодаться они могут годами, а платить придётся мне. Пусть и «всего лишь» разницу.

Сумма немалая. В конце месяца — списание, либо заморозка активов без суда и следствия, после чего лейтенант Гальстром Д. внутри Периметра не купит даже хлеба.

Чёрт их всех раздери! Придётся лезть в трофейные или брать курьерскую работёнку от серьёзных людей. Оба варианта — дерьмо. Но выбора мне не оставили.

Я выматерился и закрыл глаза. Сон пришёл быстро — крепкий, солдатский.

Без тревог. Без снов.

И без чёртовых, бередящих душу сопляков.

***

Мне снилась Мари-Ло, лут, и, внезапно, корова. Кокетливо вертась, Мари-Ло показывала старомодное, в горошек, платье. Платье ужасное, но в нём была Мари-Ло!

Я притянул её за талию, прижал к себе, но тут корова замычала — гулко и противно. Я велел ей заткнуться, но она подпрыгнула и рухнула на лужайку всем весом. Лут затрясся, и я проснулся.

Вой и тряска шли снаружи: одна из турбин дымила. Настоящая Мари-Ло заметно нервничала, а я потуже затянул ремни и старался не представлять, что будет, если сорвутся тяжёлые контейнеры.

— Дамы и господа, у нас небольшие неполадки, — протянул по динамикам капитан. — Просим перевести спинки кресел в вертикальное положение и, мать его, молиться, чтобы не вырубилась роторы!

Голиаф клюнул вниз, раскрывшиеся лопасти набирали обороты. Спуск замедлился. Мы проскочили облака и вышли над густыми африканскими джунглями.

— Та за шо мы, скажи мне, летаем на этом гробу? — взвился Борщ. — Шоб в министерстве усё красиво, а у нас — дырка в полу и турбина на соплях?!

— Разг..

Голиаф трянуло так, что я лязгнул зубами. Слава богу, на боевом вылете всё покрыто страховкой. Недавно вообще расщедрились на имплант.

Винты натужно выли, выравнивая тяжёлую тушу. Казалось, что мы заденем верхушки деревьев, но машина, помедлив, пошла в набор.

Мари-Ло ругнулась и ткнула пальцем в турбину. Я не расслышал, но и так было ясно. На техобслуживании экономят — кризис. И вот результат.

Впрочем, нытьём делу не поможешь. В «Магнусе» знаю пару ребят — подсобят с ремонтом. У них оборудование не чета нашему. А командование это молча поощряет.

— Все целы? — Я отстегнулся и оглядел салон. В ответ раздался нестройный гул. Похоже, пострадавших нет.

— Эх, думал, в больничку попаду, сестричек щипать... — мечтательно протянул Чертёнок. Я погрозил ему кулаком, плюхнулся обратно и ободряюще подмигнул Мари-Ло. В ответ она скривилась: не говори, мол, гоп.

И тут в турбину ударило.

По броне застучали осколки. В иллюминаторе завертелись джунгли: Голиаф заваливался набок.

Салон мигал красным, сверху выпали бесполезные маски. Я боролся с тошнотой и орал приказы. Мне нецензурно орал в ответ.

Хруст, треск, глухой удар и — темнота.

А потом пришла Мари-Ло в белом платье в горошек.

***

Я очнулся на больничной койке. Серый бетонный потолок, ширмы на колёсиках. Пахло хлоркой, потом и болезнью. За ширмой кашлянули и застонали.

Я просунул руку под одеяло и провёл по бокам. Шрамов нет, почки, похоже, на месте. Попытался сесть, но что-то дёрнуло за левое запястье. Браслет от наручника.

Плен!

Мысли пронеслись в голове со скоростью молнии. Плен — это плохо.

Я попытался крикнуть, но вышел только хрип. В горле драло, и я понял, что подыхаю от жажды.

Я пошарил вокруг взглядом и заметил на тумбочке пластиковый стакан. Не дотянусь: сил не осталось.

— О, живой. — Соседняя ширма чуть отъехала, и в проёме показалась физиономия Чертёнка. Весёлый, сволочь. Аж противно.

— Пить, — прохрипел я. — Дай!

— Тёплая и без пузырьков, — сообщил он, протягивая стакан. — И не жалуйся. Тебя из-под турбины еле отрыли.

Вода и правда была тёплой. И вкусной. Ничего вкуснее в жизни не пил.

— Где Мари? Борщ?

— В реанимации. Вроде, живы.

— Мулла?

— С гуриями наш Мулла. И ползвода с ним. Сбили нас, командир. До базы не дотянули — километров двадцать.

Меня как током шарахнуло: сбили, ползвода...

Мулла.

Я представил, как это будет: стук в дверь, рыдания, казённые рожи...

У Муллы отец едва ходит, мать в маразме. Жалованья еле хватало. Да у остальных моих «сорняков» не лучше.

Не волнуйся, Саид. И вы, парни, тоже. Я вернусь. Прослежу за всем лично. А компенсации вырву у командования из глотки: вы заслужили каждую копейку.

— К кому попали, знаешь?

Вместо ответа Чертёнок мотнул в сторону подбородком.

Я перевёл взгляд и смачно выругался. На стене висел потрёпанный красный флаг с колосом в шестерёнке. Конфедерация Общин. Приехали.

— Эй! — прохрипел я сипло, но громко. — Есть кто? Старшего позовите!

Послышались шаги, подозрительно лёгкие. Не мужские.

Ширма отъехала, к кровати подошли две девчонки. Одна — чернокожая, в салатном докторском халате. Кучерявые волосы убраны под шапочку, на бейдже, маркером, имя: Илима Мбанга. Вторая — светлая, русая. Форма мешком, руки теребят ремешок автомата.

Молодая и злобная, надо аккуратнее. Пристрелит, или скормит термитам — у «общинников» фантазия богатая.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Мбанга на приличном североевропейском.

— Спасибо, неплохо. — От удивления я моргнул. — Пить хочу. Умираю.

— Принеси, пожалуйста, — кивнула русой Мбанга.

— Не положено...

— Под мою ответственность!

Русая вышла. Мбанга склонилась надо мной, ощупывая ногу.

— Командир взвода лейтенант Дэн Гальстром, — сообщил я. — Мне нужно поговорить со старшим. Срочно.

— Никаких разговоров, — буркнула Мбанга. — Вам нужен покой.

— Но...

— Здесь я решаю!

Она повернулась и сурово посмотрела мне в глаза. Хороший врач. И явно недешёвый.

— Заявляю при свидетелях... — я повысил голос, но в этот момент её пальцы сжали бедро, и в ногу ударила резкая боль. Я вскрикнул.

— ...что согласия на лечение не давал и оплачивать его не собираюсь! Вы меня слышите?

Она не ответила — только крепче сжала губы. Пусть молчит. Главное, чтобы запомнила.

Страховка у меня дорогая и солидная. Почти всё покрывает — кроме лечения в плену. Когда Демблок зарубился с Канадой на Мадагаскаре, их пленные потом годами отработывали. Не оплатил — ни обмена, ни писем. Не за свой же счёт их лечить.

Вернулась русая со стаканом воды. Я высосал его весь, до дна.

— Ещё. Пожалуйста.

— Нельзя, — отрезала доктор. — Вам надо спать.

— Но я не хочу...

— Хотите.

Она достала шприц и набрала что-то из ампулы.

— Цианид? — мрачно пошутил я.

— Витамины и магний.

— Жаль.

— У вас идиотский юмор.

— Что будет с моими людьми?

— Это не ко мне.

— А к кому?

Ответа не последовало.

А мне вдруг и правда — дико, зверски — захотелось спать.

***

Через пару дней за мной пришла русая. Похоже, доктор Мбанга меня выписала.

— Одевайся.

— При тебе?

Она швырнула мне пакет с застиранной формой и картонными шлёпанцами. Чертыхаясь, я просунул ноги в штанины. Пошатнувшись, встал:

— Веди, незнакомка.

Я почему-то совсем её не боялся. Наверное, дело во взгляде. Не верилось, что девчонка убивала.

Она помогла мне встать — быстро, ловко — и тут же отступила: сам справишься.

— Боишься?

Девчонка промолчала. Упрямая, губы сжаты, на блестящем от влаги лбу прилип тонкий локон.

— Пошёл!

Длинными коридорами мы дошли до створок лифта. Конвоирша ударила кулаком по здоровенной кнопке. Под разбитыми пластиком тускло загорелась лампочка.

Я внимательно осмотрел девчонку. Потёртая форма, старенький автомат. Из нагрудного кармашка торчит пузатый блокнот.

— Дневник ведёшь? Или стихи?

Русая сверкнула глазами и больно ткнула меня дулом. Я выругался и опёрся на двери, но тут они раскрылись, и я провалился в кабину.

Меня тут же подхватили двое — здоровые, молчаливые, в краповых беретах. «Бригады Тома Санкара». Те самые черти, что тогда обрушили рынок.

Я рывком освободился и скрестил руки на груди. Рядом, не глядя на меня, встала русая.

— Пленный? — спросил один из «чертей» — здоровенный лоснящийся негр.

— Ага.

Лифт застонал и пополз вниз. На одной из стенок я разглядел стёртые иероглифы. Старокитайский? И тут до меня дошло.

Никакой это не завод, а бункер времён «Большого бадабума». Таких по всей Африке — вагон. Да и много где ещё.

Почему о нём не знают? Да потому и не знают, что главное — месторождение. А что в километре за забором — плевать.

Лифт остановился, меня вывели в очередной коридор. По бокам шли решётки. Похоже, тюрьма.

— Командиру? Живой, курилка...

Из-за грубо сваренных прутьев радостно смотрел Борщ. Весь забинтованный, на глазу — чёрная повязка.

Я дёрнулся к нему, но тут же охнул — русая с силой ткнула меня стволом.

— Да что ж ты...

— Пошёл! — она замахнулась прикладом.

Я двинулся вперёд, исподволь разглядывая ребят. Выжило немного. И Мари-Ло не видать.

Мы миновали несколько пустых камер и свернули за угол.

— Сюда!

Камера-одиночка, подальше от остальных. Кровать, пластиковое ведро, рукомойник. Под потолком — серый от пыли вентилятор, у кровати — откидной столик с тарелкой каши.

Грохнула решётка, лязгнул замок. Русая не ушла — устроилась на пластиковом стуле времён, наверное, Тайваньского инцидента.

Сторожит командира, логично. И автомат рядышком, у стеночки, будто я сквозь решётку просочусь.

Крякнув, я растянулся на кушетке и блаженно закрыл глаза. Идите вы все.

Утро вечера один чёрт мудренее!

***

— Тихо тает пыль дорог... Тихо тает пыль дорог...

Я приоткрыл глаз и прислушался. Шёпот доносился со стороны решётки, где в тускло освещённом коридоре сидела русая.

— Тихо тает пыль дорог...

Ну точно — она! Не знает, наивная, что лейтенант Гальстром в плену спит чутко. Хотя, если честно, он и сам не знал.

Что это она там делает? Поёт?

Я осторожно присмотрелся. Забыв про устав, девчонка держала в руках блокнот и ручку. Стихи? Ну точно, стихи! Выходит, я тогда угадал и она не зря взвилась!

— Тихо тает пыль дорог... — упрямо повторила русая.

— Мы уйдём — дай только срок.

Русая дёрнулась и выронила ручку. Убрала блокнот, зыркнула хмуро и замолчала.

Я тоже молчал. И заодно пытался понять, зачем это брякнул. Поэт-недоучка. Мало тебе проблем!

— Слушай, ты прости, — неловко начал я. — Я не хотел... случайно вырвалось.

— Не знала, что у вас есть поэты, — ехидно отпарировала девушка.

— Всеякие есть. — Я сел на кушетке и пожал плечами. — Меня Дэн зовут.

— В доверие втираешься?

— Да нужно мне, — я усмехнулся. — Один чёрт, не сегодня-завтра грохнете.

— По себе судишь?

— А что, нет? Я же пёс войны, нелюдь. Африку свободную гну.

— Нелюдь и есть, — прошипела русая. — Скольких ты с друзьями убил? Что вы вообще тут забыли?

— Ты тоже на местную не похожа! — заметил я.

— Нас позвали. Просили о помощи!

— И нас просили!

— Кто, концерн ваш вонючий? — Русая яростно вскочила. — Ты знаешь, что тут лес был? Люди жили? Рассказать, как от них избавились?

— Ой, я вас умоляю, — я закатил глаза. — А взвод мой угробили, чтобы птичек спасти?

— Да что с тобой разговаривать!

Девчонка покраснелась и тяжело дышала. И я вдруг понял, что она красивая. Живая. Тёплая. В отличие от вечно сжатой в кулак Мари-Ло.

Слова пришли сами. Я пытался себя одёрнуть, но мысль о скорой казни развязала язык.

— Я стихи в школе писал. В конкурсах участвовал.

— Ну и писал бы себе дальше!

— А семью кто кормить будет? — рявкнул я. — Ты с «Бригадами»?

— Так и нашёл бы нормальную работу!

— Да я и нашёл! — Я так разозлился, что смахнул на пол тарелку. — Работал, учился, мне год оставался до степени! А потом пришли твои и устроили... Литиевый кризис.

— Мы народ защищали! — выпалила русая.

— Дура! — Я вскипел. — Скольким людям вы жизнь сломали, знаешь?

— Сам ты идиот! — русую трясло. — Там дети работали, за еду! Все замученные, похороны через день... Илима тогда насмотрелась.

— Какие дети, что ты несёшь?

Вместо ответа русая сунула мне под нос мобильный.

На экране была фотография. Чернокожий пацан, лет тринадцати, из местных. Исхудавшее лицо, руки изъедены язвами. Глаза закрыты: пацан лежал в гробу.

— Нравится? — с тихой яростью спросила русая.

— Убери. — К горлу подкатил ком, но я не сдавался. — Почему не жаловались? Не протестовали?

— Потому что тогда их лупила полиция. А не она — так солдаты. Такие, как ты.

Я не знал, что ответить: пацанов гонять не приходилось. А вот 132-й бунты давит, а когда возвращаются — слова из них не вытянешь.

Хотя, если честно, я и не пробовал. Не меня послали — и ладно.

— Скажешь, не стал бы? — Русая заметила, что я молчу и победно прищурилась. — А семью кормить кто будет?

— У меня дома сестра и мать, — отрезал я. — Если узнают — глаза выцарапают.

Русая фыркнула и откинула со лба прядку. Злость ей шла. Прямо даже очень.

— Все вы одинаковые. Душу за кредиты продадите.

— А вы не такие?

— Нет, не такие!

У меня вдруг сильно закружилась голова. Да так, что пришлось схватиться за решётку.

— Эй, ты чего? — забеспокоилась моя охранница.

— Ничего. — Я прижался лбом к ржавому металлу. От приятного холодка стало полегче.

Спорить расхотелось, навалилась беспросветная усталость. Гори оно всё синим пламенем. Что я тут, правда, распинаюсь?

— Врача позвать? — участливо спросила русая. — Помрёшь ещё...

— Тебе же легче. — Я усмехнулся. — Но если такая заботливая, обещай, что выполнишь последнюю волю.

— Кретин.

— Я серьёзно. Обещаешь?

— Смотря что.

— Ничего такого. Когда меня грохнут, проследи, чтобы была фиксация, лучше на видео. Видео надо отправить семье.

— Зачем? — Глаза девчонки широко раскрылись.

— Затем, что иначе сочтут пропавшим без вести и страховку выплатят дай бог через год. А у меня сестре поступать и мать больная. Обещаешь?

Закусив губу, русая молчала.

— И семьям ребят моих тоже, — добавил я. — Вы же всё равно снимали, когда нас откапывали. А расстрелы и так должны записывать.

— Это же... — прошептала русая. — Да как же...

И вдруг она заплакала: тихо и жалобно. Как щенок.

— Эй, ты чего? Брось, я же не хотел!

Я просунул сквозь прутья руку и похлопал по худенькому плечу. Русая отшатнулась и подняла на меня заплаканное лицо.

— Ты как такое подумать мог?

— Ты о чём? — Я искренне удивился.

— Снимать... семье... Мы что, звери совсем?

— Да при чём тут это? Я ведь для страховой прошу.

Она посмотрела на меня странно, как на таракана. Протянула к прутьям руку, но сразу отдёрнула. И вдруг представилась:

— Магда.

— Дэн.

— Говорил уже. — Она слабо улыбнулась.

— А не боишься? Вдруг я и правда «втираюсь»?

— Тогда не успокаивал бы, а придушил, пока не вижу.

Я представил, как сжимаю пальцами нежную шею и подтаскиваю к решётке бездыханное тело. Меня передёрнуло.

— Плачущих женщин не трогаю. Я солдат, а не «чёрный».

— А это кто?

— Черти. Без тормозов. Не хочу про них. Лучше давай про стихи.

***

Как пишут в плохих романах: «Они проговорили всю ночь». Самое смешное — сейчас даже не вспомню, о чём. Помню, как рассказал пару анекдотов, как Магда хохотала. Ещё болтал про стихи, рассказывал про маму с Ликой.

Я узнал, как Магда девчонкой потеряла под бомбёжкой семью. Как прибилась к банде, и как оттуда её выгнали «общинники». Читала мне стихи — ужасные, но честные. Рассказывала, что мечтает стать врачом. И что в армию пошла добровольцем.

Помню, как она ловила мой взгляд и краснела.

Смешная. Соплячка.

Тёплый, радостный лучик.

А под утро — за мной пришли.

Магда заметила его раньше меня. Замолкла, отстранилась. Съёжилась.

«Дед» — так я его сразу прозвал. Седой, крепкий ещё мужик в серой форме общинников. Он стоял, заложив руки за спину, и с интересом меня разглядывал. Чуть поодаль пристроилась пара мускулистых часовых из «бригад».

— Нарушаешь устав, — сказал дед Магде. — Разговорчики.

Вот и смерть моя пришла. Но взгляда я не отвёл — не дожждётся.

— Сержант Палацкая, открыть камеру, — скомандовал дед. Магда встрепенулась и загремела ключами. Глянула виновато сквозь прутья — прости, мол, ничего личного. Я чуть заметно кивнул: «Понимаю и не обижаюсь».

Мы двинулись знакомыми коридорами, но уже без Магды. Я старался держаться бодрячком, особенно когда проходили мимо камер с нашими. Мари-Ло так и не появилась, зато удалось подмигнуть Борщу. Плохо он выглядел. Неважно.

Снова лифт, снова коридоры и лестницы. Вентиляция не справлялась, пахло пылью и сыростью.

Чтобы приободриться, я принялся нашёптывать «гимн сорняков»:

— Мусорный наш взвод нигде не пропадёт...

Дед неодобрительно покосился, но ничего не сказал. Мы подошли к серой неприметной двери с намалёванным красным номером «11».

— Прощаемся, папаша? — Я подмигнул, стараясь не показывать страх. А страшно было жуть — в паху холодок, ноги ватные.

Дед молча подошёл к двери и вынул ключ-карту. Охранники придержали меня за плечи.

Перед глазами пронеслись Лика, мама, убогая наша квартирка, Мари-Ло и Магда. Хотя вру — больше Магда. Мари-Ло как-то померкла.

А ещё подумалось: жизнь-то по-дурацки прошла, никчёмно. Хотел как лучше, а вышло — как вышло. Одна надежда — сестра в граждане выбьется.

— Слышь, старый, труп мой чтобы на родину отправили! — крикнул я деду. — Иначе я с того света, понял? Мне нельзя теряться! МЕНЯ. ДОЛЖНЫ. НАЙТИ!

Пикнул замок, дверь уехала в стену. От сильного толчка я влетел в комнату и вцепился в спинку стула, чтобы не упасть.

Напротив стоял стол, рядом ещё один, буквой «Г». Старик уселся за тот, что справа, а напротив...

— Привет, командир. Давно не виделись, — сказал в привычной идиотской манере Чертёнок.

***

— Что стоишь, присаживайся, — ласково сказал дед. — Драться не будешь? В заложники меня брать?

Я обалдело монтунл головой. Куда мне драться? Чай, не кино.

Дед сделал знак охране, те вышли. Чертёнок молчал, любясь эффектом. Я медленно, но верно зверел.

— Как это понимать, техник-сержант?

— А что непонятного? — ухмыльнулся Артурчик. — Мы теперь большая дружная семья.

— Предатель. Ты присягу давал!

— Какую присягу, командир, окстись! — Чертёнка перекосило, словно он зажевал лимон. — Ты посмотри на себя, подумай, кому служишь.

— Я служу стране, понял?

— Точнее, её хозяевам, — вмешался Дед.

— У каждой страны есть хозяева, — зло ответил я. — Так было и будет. Можно подумать, у вас по-другому.

— У нас — по-другому, — спокойно улыбнулся Дед.

Он встал, чтобы включить электрический чайник. Старенький, обшарпанный. Явно не соответствующий серьёзной должности.

Тогда я не придавал этому значения. И вместо этого злобно вперился в Чертёнка.

— Он прав, у них по-другому. — Артурчик посерьёзnel. — Я своими глазами видел.

— Рай на Земле? Они это умеют. — Я сплюнул.

— Нет у нас рая. — Дед вернулся за стол и налил мне ароматного чая. — Но хоть не в аду живём, как ты.

Я вспоминал всё, что знал о Конфедерации. Знал я, в общем, немало: сказывалось увлечение историей.

«Тайваньский инцидент», «Большой бадабум». Китай с Индией — в хлам, Америка с Европой — почти. Хаос, пара гражданских, голод — куда ж без него. А дальше у нас — «Второй Ренессанс», а у них, на юге — чёрт ногу сломит. Лоскутное одеяло «общин» — ни власти центральной, ни парламента. Но воют, надо сказать, неплохо.

— Не в аду живёте? — Мне стало смешно. — Видел я тот не-ад. Когда всё развалилось, вы крыс жрали и дай бог, чтоб не друг друга. Демблок пришёл, заводы запустил, реакторы. А вы в благодарность революцию устроили.

— Принудительная забота, — усмехнулся Дед.

— Чего?

— Я говорю, никто вас не звал, благодетели. И пришли вы не помогать, а эксплуатировать. Магда тебе разве не показывала?

Я вскинулся:

— Подставная, да? А я, дурак, купился.

— Не подставная, — покачал головой Дед. — Я просто наблюдал... за вашим разговором.

— И как? Понравилось?

— Всё, кроме стихов.

Чертёнок прыснул.

— И чего ты хочешь? — Я опёрся на стол локтями, нарочно демонстрируя Чертёнку наручники. — Чтоб я проникся?

— А почему нет, командир? — проникновенно спросил Артурчик. — Ты мужик, что надо, пригодишься.

— Для чего? Пропаганды?

— Для правды!

— Какой, к чёрту, правды? — взорвался я. — Чего они тебе наобещали?

— Думаешь, только за деньги могу? — Чертёнок окрысился.

— А за что? — Я усмехнулся. — Ты прости, но в твоё перевоспитание мне верится слабо.

— Дурак ты, командир, — с какой-то жалостью сказал Чертёнок. — Весь в долгах, жизнью за копейки рискуешь. Ты для этого, скажи, родился?

— А ты?

— А я в плену видел, как они живут. Вместе пахут, вместе решают. А не как у нас: у кого бабки, тот и главный.

— Анархисты. Каменный век.

— Каменный, как же, — передразнил Чертёнок. — Несколько общин реактор сообща обслуживают. Сами, прикинь?

— Красота. Утопия! — Я скривился и откинулся на спинку стула.

— Да какая, к чёрту, утопия! — Артурчик грохнул по столу кулаком. — Полно у них проблем, по горло! Только разве с нашими сравнишь?

— А что же ты сбежал?

— Дурак был, потому что. Фома неверующий. — Чертёнок грустно усмехнулся. — Дошёл до своих, а там комиссия — так, мол, и так, выплат за плен не давать, поелику по своей вине попал и вообще — молодой слишком. Тебя, командир, то же самое ждёт. Поначалу, думаю — чёрт с ней, с компенсацией. А потом вокруг оглянулся...

Он замолчал и ненадолго ушёл в себя. Словно вспоминал.

— И понял, что живём мы как скоты. В той общине, куда я попал, еды не хватало. Недород, радикал, снабжение дронами отсекали. Людям пайки урезали, думал, с голоду сдохну, так охрана со мной делилась. А у вас что? Денег нет — подыхай как пёс. И ты, и мама твоя, и сестра.

— Семью не трогай! — Я привстал.

— А что, не так? — Чертёнок не испугался. — Чего ж тогда под дверью орал?

— Заткнись! — бешено просипел я.

Чертёнок оскалился:

— Не знаю про тебя, а я вот себя нашёл. Там, в общине. Туда и вернусь, даже если от голода с ними сдохну. И только попробуйте сунуться! — Его взгляд потемнел. — Я тебе лично глотку перегрызу.

— Красиво говоришь. — Я прикидывал, успею ли свернуть ему шею. — Только вот я не предатель. Вали в свою общину. И помни про ребят, которых ты подставил!

— Ах ты, паскуда. — Чертёнок вскочил и заиграл желваками. — Думаешь, это я на вертушку навёл?

— Он ни при чём, — подтвердил дед. — Под удар вы попали потому, что сбросили высоту.

— Плевать. — Я отмахнулся. — Гнида ты и крыса, Галиецкий. Гореть тебе в аду.

— А ты... — Мои слова Чертёнка явно задели. — Идиот, подстилка. Не страну ты защищаешь, командир, а Побережье. И присягу им давал, и кровь за них льёшь. Чтобы всё как раньше, чтобы они в три горла, пока ты за гроши пацанов убиваешь. А я-то в тебя верил!

— Твоя камера, — вдруг сказал Дед. — Тот парень с пулемётом, помнишь?

Я дёрнулся и бешено уставился на него:

— Вы по какому праву?..

Стариков я не бью, но сейчас прямо вот зачесались кулаки.

— Я знаю его отца, — ответил Дед невпопад. — И брата.

— И что? Сюда приведёшь? Чтобы отомстили?

— Нет, — покачал головой Дед. — Не приведу. Парень выполнял свой долг, ты тоже. Меня интересует другое.

— Почему смотрел?

— Судя по логам устройства — 14 раз. Вопреки инструкциям и уставу.

Тут мне стало мерзко. И почему-то стыдно. Как пацану, застуканному за взрослым фильмом про любовь.

— Да пошёл ты, — прошипел я. — Не твоё собачье дело, понял?

— Ну ладно, ладно. — Дед примирительно вскинул руки. — На первый раз достаточно. Дежурный!

Дверь открылась, в кабинет зашли охранники. И Магда!

Я метнул на Деда бешеный взгляд. Не вышло через Артурчика — решил зайти через поэтессу?

— Увести, — скомандовал Дед.

И тут вдалеке грохнуло. А спустя секунду заорала сирена.

***

— Вы всё помните? — уточнил Пижон.

Я кивнул, Мари-Ло не ответила. Она отвернулась к окну — открытому и без индикатора. Снаружи ласково светило солнце и дул солоноватый океанский ветерок.

— Всё же я напомяну. — Пижон улыбнулся, тонкие, напомаженные усики встали дыбом. Я в который раз подавил желание врезать по опостылевшей роже. Или хотя бы разворошить идеальный пробор.

— Не стоит, господин полковник, — я выдавил из себя улыбку. — Мы справимся. Обещаю.

Пижон помедлил. Кивнул. И сделал театральный жест в сторону двери:

— Тогда прошу.

Собравшись с духом, я встал. Козырнул Пижону, кивнул Мари-Ло:

— Сама?

— Давай ты, — тихо ответила она. — Пожалуйста.

Я окинул её взглядом: ссутулившуюся, постаревшую. Сжал ручки и толкнул вперёд инвалидное кресло.

Мы вышли коридор: я, Мари-Ло и Пижон. Он предупредительно указывал дорогу.

Коридор сиял белым, чистеньким пластиком. Пахло стерильностью и большими деньгами.

Красота. Мечта.

Побережье.

Сердце забухало, ладони вспотели. И вспомнился другой коридор: жаркий и серый.

Взрывы, выстрелы, автоматные очереди. Дед кричит что-то по рации.

Мы отступаем, нет — бежим. Лицо Магды перекошено страхом, охранники из «бригад» сжимают старенькие китайские «Тур-200».

— Сюда!

Поворот, и сразу...

— Назад! — Я вижу, как навстречу движутся чёрные силуэты. — Магда, назад!

Выстрел — сухой, почти неслышный. Магду тряпичной куклой отшвыривает к стене.

У «чёрных» — непревзойдённая реакция. И наглухо вырубленная чипами эмпатия.

Стою посреди коридора в дурацких картонных тапках. Вот она, смерть. Отчего-то совсем не страшно.

Магда! Бросаюсь к ней. Зачем? Злобное пение пули, удар в плечо — легонько, по касательной. Падаю на пол. Передо мной, нос к носу — мёртвое лицо Чертёнка.

— Магда...

Она молчит. Голова свёрнута набок, с губ капает кровь. Нет больше Магды. Импульсные винтовки бьют наповал.

«Чёрный» поднимает меня за грудки. Тупо пялюсь на маску с изображением черепа. Меня от души встряхивают:

— Где остальные? Твои где?

Мычу, тычу в сторону пальцем. Меня волокут. На удивление, дорогу к камерам я указал верно.

— Командиру!

Выстрел пробивает Борща навывлет. Он сползает по стенке, хрипя кровью и матерясь.

Выстрел. Выстрел. Выстрел. Мои парни мечутся по камерам, словно в тире. Их убивают, как поросят. Спокойно и методично.

Рвусь к ним и тут же получаю под дых:

— Отставить!

Откуда-то притаскивают Мари-Ло. Взгляд падает на её ноги: они бессильно волочатся по земле.

— Эту не трогать, — кивает «чёрным» командир. Чувствую холодный укол в шею. Перед глазами плывёт, и я проваливаюсь в никуда.

***

Когда я пришёл в себя, передо мной сидел Пижон. А ещё Мари-Ло. В инвалидной коляске.

Я ничего не понимал. Но мне объяснили.

И показали зуб — мой, вырванный. Точнее, не зуб, а тот самый имплант. Внутри которого был спрятан маячок с атомной батареейкой и искусственным интеллектом.

Наш взвод заподозрили пару месяцев назад. «Налево» уходила закрытая информация, контрразведка сделала стойку.

«Сорняков» тщательно перебрали, оставив две кандидатуры: мою и Чертёнка. Чертёнка — потому что был в плену, мою — из-за чёртовой записи с убитым пулемётчиком.

В конечном счёте Чертёнка отбросили. Чутьё у Артурчика что надо, он вовремя залёг на дно. Оставался я. И вот тогда-то армия и расщедрилась на зубной имплант.

— Почему убили моих людей?

— Им больше не было веры, — пояснил Пижон. — Штрафник, да в плену у общинников — нехорошее сочетание, согласитесь.

— А я?

— А вы повели себя как герой. — Пижон расплылся в улыбке. — Остались верны долгу и присяге. Помогли накрыть логово врага. И спасли любимую женщину.

— Какую женщину? Магда жива?

— Меня, — тихо ответила Мари-Ло. — Ты сделал мне предложение, получил статус «почётного ветерана» и вместе со мной переехал на Побережье.

— Чего-о?

— Разумеется, вместе с матерью и сестрой, — уточнил Пижон. — Нам ничего не жалко для наших героев.

— Но я не герой... не спасал и не наводил.

— Это неважно, — тихо и безжалостно ответил Пижон. — Важно то, вы послали вербовщика ко всем чертям. Это же ваш голос?

Он достал мобильный и провёл по экрану пальцем.

«Гнида ты и крыса, Галиецкий, — раздалось из динамика. — Гореть тебе в аду».

— Запись с импланта, — пояснил Пижон. — Пройдёт любую экспертизу нашей свободной и независимой прессы.

— Что взамен?

— Рассказывать о своём подвиге. — Пижон снова улыбнулся. — Разумеется, под нашим надзором и руководством.

Я согласился. А вы бы не согласились? Почётный ветеран — это, конечно, не «признанный», но почти. Пенсия, уважение, домик у океана...

А взамен — катайся по училищам, читай лекции, заливай сироп в уши кадетам. «Служите, мол, парни хорошо — и будет вам счастье».

Совість, конечно, шептала. Про Магду. Про взвод. Про Чертёнка. Но я её послал.

Магду не вернёшь, взвод — тоже. Зато живы Мари-Ло и Лика с мамой.

Так я себе это объяснял. Объяснял — и беспробудно пил. Недели, наверное, три.

***

— Не надо, — попросила Мари-Ло. — Дальше я сама.

Она тронула джойстик, кресло зажужжало и двинулось вперёд. Я отпустил ручки и пошёл рядом, украдкой разглядывая седину в проборе жены.

«Не бросай меня», — сказала она, когда Пижон ушёл. Я всё ещё колебался, но тут железобетонный сержант-инструктор тихо заплакала.

Расписались мы в тот же день. «Чета героев» — звучит!

Спасибо Пижону и его комбинации. Впрочем, у «особистов» дураков не держат...

Мы вышли в студию и нерешительно остановились. Вокруг забегали ассистенты, нас потащили к стоящему на возвышении диванчику. Свет от софитов резал глаза. Я зажмурился и приобнял Мари-Ло. Она слабо улыбнулась.

Свет немного померк, заиграла бодренькая музычка. На сцену выскочили девицы в трико. Задёргались, синхронно завихлялись.

Музыка прекратилась, девок как ветром сдуло. В студию вошёл бодрячок ведущий: сам Дэймон Киллиан, звезда демократического ТВ.

Он улыбнулся — мастерски, куда там Пижону. Что-то спросил, поднёс микрофон. Я ответил: заученно, как по нотам.

От Киллиана пахло дорогими духами. Причёска — волосок к волоску. И блестят, словно перед эфиром башку ему вылизал породистый кот.

Потом Киллиан отстал от меня и переключился на Мари-Ло. Я взял её за руку и крепко сжал.

Ладонь Мари-Ло была холодной и мокрой, но сама она держалась молодцом: выпрямилась, глядела прямо, отвечала чётко.

Я один, наверное, знал, как ей было хреново.

В соседнем кресле незаметно оказался Пижон. Он ободряюще улыбался: молодец, мол. Ответил на пару вопросов: «лейтенант Гальстром то, лейтенант Гальстром сё». Смотреть на него было тошно. И всё так же тянуло врезать по улыбочивой морде.

— Но это ещё не всё, дорогие друзья. — Киллиан сделал выразительную паузу и повернулся к камере. — Услышав о подвиге лейтенанта Гальстрома, с нами немедленно связался министр экономики и инвестиций, господин Конрад Финк. Давайте поприветствуем его аплодисментами!

Толпа вяло захлопала. Ничего, потом переозвучат.

Я обвёл их взглядом. Расфуфыренные девки, смазливые парни. Одеты как местные, но по глазам видно — не отсюда. Оно и правильно — что местным здесь делать? Уж на таких «героев» как я им точно плевать.

Мне что-то сказали и пожали руку. Я поднял глаза и вскочил: негоже сидеть перед самим Конрадом Финком, одним из первых в истории триллионеров.

— Что вы, что вы. — Финк снисходительно похлопал меня по плечу. — Это я должен стоять навытяжку.

Странно, он казался мне выше. А так посмотришь: плюгавенький, толстый, ножки кривые. И костюм за пол-лимона не помогает.

Финк ещё раз мне кивнул и сел рядом с Пижоном. Царственным жестом принял у Киллиана микрофон.

— От лица инвестиционного фонда Black Ridge и правительства Демократического Блока, — пауза, великодушная улыбка, — я рад объявить о полной кредитной амнистии семьи Гальстром, а также о назначении повышенной ветеранской пенсии в размере...

Он назвал цифры. Ничего нового — Пижон их мне заранее сообщил. Хорошая пенсия, да. Даже для Побережья.

Всё, лейтенант, отмучился. Большой спектакль отыгран, дальше придётся врать поменьше. Да и привыкнешь.

— Одну минуточку, господин Финк, — вкрадчиво перебил Пижон. — Если позволите, я хотел бы задать последний вопрос.

Финк, что характерно, не удивился. А вот я удивился. Про «последний вопрос» в сценарии не было.

— Скажите, лейтенант Гальстром, — вкрадчиво спросил Пижон. — Когда ваш взвод массово перешёл на сторону врага, вы вместе со спецназом Black Ridge вступили со смутьянами в бой. Что помогло вам победить? Где вы черпали силы?

Я обалдело хлопал глазами. Мари-Ло окаменела.

— Мы понимаем, насколько вам тяжело вспоминать, — «пришёл на помощь» Киллиан. — Но, возможно, хотя бы несколько деталей.

Я беспомощно посмотрел на маму и Лику, сидящих в первом ряду. Перевёл взгляд на улыбающегося Пиждона.

Повязать хочет, тварь. Заставляет плюнуть на могилы ребят.

И тут — верите, нет? — до меня вдруг дошло. Понял я, что Чертёнок был прав. И выть захотелось, по-собачьи. От ярости и стыда.

За что я дрался все эти годы?

За Лику? Семью?

Всё так.

Но была ведь ещё мечта. О личном кусочке Побережья в подыхающем, гниющем мире.

Теперь она сбылась. «Бойтесь своих желаний».

Я откашлялся и встал. Одёрнул парадный китель, принял у ведущего микрофон.

— Где брал силы? — Рука легла на кобуру с наградным «штайером».

— Дэн, не надо! — в ужасе шепнула Мари-Ло.

Я не ответил — лишь мягко высвободился. Плевать, спишут на ПТСР. А пенсию семье «почётного» платят минимум 20 лет.

Я посмотрел на маму, затем на Лику. Улыбнулся Мари-Ло:

— Всё будет хорошо.

Сделал вдох. Не глубокий — последний.

Вспомнил сопляка у пулемёта.

И приставил к виску ствол.